

Вернувшись с горячим влажным полотенцем, Лян Сычжэ протянул его Цао Е. Тот взял его и сразу накрыл им лицо. Он действительно был довольно пьян и не хотел двигаться.

Лян Сычжэ подождал немного, сидя на подлокотнике дивана, и, видя, что Цао Е не шевелится, снял полотенце с его лица. Подлокотник был выше дивана, и Лян Сычжэ, глядя вниз на мокрое лицо Цао Е, блестящее в свете лампы, начал аккуратно вытирать молоко с его лица.

На самом деле, молоко попало только на подбородок и щёки, но Лян Сычжэ протёр всё лицо: брови, глаза, переносицу, подбородок, а затем и шею. Цао Е, похоже, было щекотно, он что-то пробормотал и схватил Лян Сычжэ за запястье, пытаясь его остановить. Его ладонь была горячей, и Лян Сычжэ замер, позволив ему держать свою руку. Через несколько минут Цао Е сам разжал руку, и она соскользнула набок.

Полотенце остыло, и Лян Сычжэ убрал руку, положив другую на спинку дивана, и, слегка наклонив голову, посмотрел на Цао Е. Эта поза создавала иллюзию объятий, и даже казалось, что в следующую секунду они могут поцеловаться. Если бы он только наклонился чуть ниже.

Он поднял руку к лицу Цао Е, но не решился прикоснуться, словно боясь нарушить хрупкое равновесие. Расстояние между ними было ничтожным, но ощутимым, как будто он осторожно касался струн невидимого инструмента.

Его брови стали немного гуще, но их форма совсем не изменилась, оставаясь такой же чёткой, как в юности.

Его глаза были закрыты, но Лян Сычжэ знал, как они выглядят открытыми. Это была та часть лица Цао Е, которая меньше всего изменилась. На солнце цвет его радужки приобретал янтарный оттенок. В них всегда была лёгкая улыбка, а когда он смеялся, они изгибались, и ресницы во внешних уголках глаз переплетались. Но теперь в них, казалось, было меньше радости, и он смеялся реже, чем раньше.

Переносица стала более прямой, что сделало его лицо менее детским.

Губы из-за алкоголя были краснее, чем обычно, и выглядели мягкими. Были ли они такими же мягкими раньше? Он не помнил. Раньше он не обращал на это внимания. Он опустил руку и большим пальцем слегка провёл по нижней губе Цао Е.

Горячо. Обжигающе горячо. Но прикосновение было таким коротким, что, возможно, это было лишь его воображением.

Всё же он не осмелился задержаться даже на секунду. Он боялся, что Цао Е не спит и внезапно откроет глаза.

Его гомофобия, вероятно, была настоящей, или, по крайней мере, он испытывал к геям сильное отвращение. Иначе он не говорил бы с таким презрением «как те две собаки», не говорил бы с такой ненавистью в голосе, что ему «противно», и не стал бы после случившегося заводить так много девушек, словно пытаясь кому-то что-то доказать.

Но насколько он мог это принять? Он не осмеливался проверить, боясь потерять даже последнюю надежду. Наверное, так даже лучше? Развлекаться с Цао Е, когда скучно, гораздо интереснее, чем все эти годы сниматься в фильмах.

Лян Сычжэ откинул голову назад, прислонившись к стене, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Спустя некоторое время он встал с подлокотника и пошёл в ванную прополоскать полотенце и повесить его сушиться.

Выйдя из ванной, он отвёл Цао Е в спальню. Вероятно, днём здесь убирались: все спальни выглядели чистыми и опрятными, но в этой комнате следы проживания были заметнее.

Цао Е был как тряпичная кукла и безропотно позволял ему делать с собой всё, что угодно. Иногда, когда ему было неудобно, он недовольно что-то бормотал, но не сопротивлялся и не буянил, разве что стал немного раздражительнее, чем обычно.

Он вырос, его тело стало крепче, и даже через одежду можно было почувствовать рельеф его мышц.

Лян Сычжэ положил Цао Е на кровать, и тот потянул его за собой. Он, опираясь на кровать, посмотрел на Цао Е сверху вниз.

Казалось, эта поза просто создана для поцелуя. Лян Сычжэ сглотнул, его взгляд остановился на лице Цао Е. Он не пил, но чувствовал себя немного пьяным. Ему приходилось прилагать усилия, чтобы сохранить ясность ума.

Бросить курить, отказаться от алкоголя, избегать тебя.

Слишком сложно.

«Если бы это был фильм, то сейчас мы находимся в неопределённой середине или в безысходном финале?»

«Если я позволю себе этот поцелуй, то что будет после? Светлая надежда или горькая развязка?»

«Ладно, если не можешь позволить себе проиграть, то просто жди».

В этот момент Цао Е потянул за ворот своей футболки. Взгляд Лян Сычжэ скользнул вниз. Место на груди Цао Е, куда попало молоко, всё ещё не высохло. Судя по всему, ему было некомфортно, и он явно хотел снять футболку.

«Помочь ему переодеться — это ведь не слишком?»

Лян Сычжэ протянул руку и, взяв за край футболки Цао Е, приподнял её, обнажая узкую талию и упругий пресс, а затем и грудь с двумя розовыми, слегка приподнятыми сосками.

«Их, наверное, очень приятно трогать».

Кажется, прикоснуться к любой части тела Цао Е было бы приятно.

Лян Сычжэ подсунул руку под спину Цао Е, чтобы помочь ему сесть и снять футболку через голову. Но как только его рука коснулась спины, Цао Е вдруг запустил свою руку под одежду Лян Сычжэ и нежно провел пальцами по его боку.

Это прикосновение, словно искра, мгновенно воспламенило желание Лян Сычжэ. Место, где он коснулся, горело, и жар распространялся вниз по животу.

«Чёрт возьми!»

Это поглаживание, от бока к спине, было наполнено явным желанием. Лян Сычжэ замер. Он посмотрел на Цао Е, его глаза были по-прежнему закрыты.

«Он пьян или трезв? Он понимает, что это я, Лян Сычжэ, или принимает меня за кого-то другого?»

«Или, может, не стоит об этом думать, а просто следовать своим инстинктам и насладиться моментом?»

Желание было настолько сильным, что даже в трезвом уме его невозможно было сдерживать и хотелось в него погрузиться. Лян Сычжэ поднял руку и пару раз сжал бок Цао Е. Тот чувствительно дрогнул, его дыхание сбилось. Он обхватил руку Лян Сычжэ и попытался притянуть его к себе.

«Это привычный жест... Похоже, он действительно принимает меня за женщину, — подумал Лян Сычжэ. — За Цин Чжэнь-Чжэнь или за Линь Хуань?»

Попытка не удалась. Цао Е нахмурился и с ещё большим усилием попытался снова, почти как в борьбе, подмяв Лян Сычжэ под себя.

Лян Сычжэ не сопротивлялся, позволяя себя одолеть. Ощущения от ласк Цао Е были приятными, хоть его действия и были немного торопливыми и неловкими, словно он просто хотел быстро удовлетворить своё пьяное желание.

Лян Сычжэ протянул руку к поясу брюк Цао Е, намереваясь помочь. Но как раз в тот момент, когда он собирался расстегнуть пуговицу, Цао Е, похоже, почувствовал неладное и открыл глаза.

Их взгляды встретились. Они находились так близко, что Лян Сычжэ мог видеть в глазах Цао Е красные прожилки, появившиеся от выпитого алкоголя, и как в его взгляде недоумение и желание сменились осознанием.

Он подумал, что сейчас Цао Е оттолкнет его.

Каким будет выражение его лица в следующую секунду? Возможно, он разозлится, будет выглядеть недовольным или даже почувствует отвращение.

Он сам был трезв и понимал, что другому может не нравится происходящее, но все равно воспользовался ситуацией. Его действительно следовало оттолкнуть.

Но Цао Е не оттолкнул его. Он просто прекратил двигать рукой, уставившись на Лян Сычжэ тем же взглядом, каким много лет назад смотрел на облака в небе. Затем он заговорил, и его голос прозвучал немного хрипло:

— Это ты, Лян Сычжэ.

Лян Сычжэ лишь тихо ответил:

— Ммм.

Стоило ему встретиться взглядом с Цао Е, как желание, которое он испытывал, внезапно угасло. Внизу всё ещё ощущалось невыносимое напряжение, но он не мог продолжать. Его рука медленно опустилась на кровать, больше не касаясь Цао Е.

Взгляд Цао Е упал на его лицо, скользнул вниз по носу и остановился на губах, как будто он хотел его поцеловать. Но в следующую секунду Цао Е закрыл глаза и слегка нахмурил брови, словно испытывал боль, а затем медленно опустил голову и уткнулся лицом в шею Лян Сычжэ.

Подбородок Лян Сычжэ коснулся его волос, а кожа шеи была плотно прижата к щеке Цао Е, и он почувствовал, что лицо Цао Е было горячим. В его воспоминаниях между ними не было похожих тесных контактов, как будто они никогда не находились так близко. Даже когда они лежали на одной кровати, между ними всегда оставалось слишком большое расстояние.

— Лян Сычжэ, как же ты меня раздражаешь! — сказал Цао Е. Его голос звучал глухо, а дыхание обжигало шею Лян Сычжэ.

Лян Сычжэ опустил на него взгляд, внутри него все бурлило, но он ответил, стараясь говорить спокойно:

— Говори, я слушаю.

Голос Цао Е явно звучал пьяно, а речь была невнятной:

— Ладно, ты отбил у меня Линь Хуань, ты мне нравишься, я уступил тебе... но почему ты не пошёл со мной?

Лян Сычжэ сглотнул, его кадык дёрнулся. Он поднял руку и нежно коснулся затылка Цао Е:

— ...Мне жаль.

— Ты же обещал, что будешь со мной, а не с моим отцом... Ты что, играл со мной?

— Нет, — сказал Лян Сычжэ, — я не играл с тобой.

— Для тебя я просто сын твоего благодетеля, верно?

Лян Сычжэ снова сглотнул:

— Для меня ты...

Цао Е перебил его, не дав договорить:

— На самом деле, ты меня очень раздражаешь, уже много лет. — В его голосе звучали нотки капризности и обиды.

Лян Сычжэ немного замялся, прежде чем ответить:

— А сейчас?

— Сейчас тоже раздражаешь, — сказал Цао Е. — Оставь меня в покое!

Свет от потолочного светильника был ярким и немного резал глаза. Лян Сычжэ промолчал и закрыл глаза, а рука, лежавшая на затылке Цао Е, скользнула вниз, к его плечу. Футболка зацепилась за выступающие лопатки и всё ещё была на Цао Е. Лян Сычжэ обнял его за плечи и крепко прижал к себе.

Похоже, у пьяных людей температура тела всегда немного выше. Вес и тепло прижимающегося к нему тела дарили ему чувство покоя. Словно в этот момент собрались все упущенные за эти годы объятия. Страсть утихла, и они снова стали подростками, ищущими тепла друг у друга.

— Спокойной ночи, Лян Сычжэ, — тихо сказал Цао Е. — Всё наладится, если хорошо выспаться.

Эти слова были обращены и к нему самому, и к Лян Сычжэ. Они молча обнимались ещё какое-то время, затем Цао Е первым отстранился и лёг рядом на спину.

Лян Сычжэ повернулся к нему. Он снялся в стольких фильмах и прекрасно разбирался в эмоциях, поэтому был уверен, что мгновение назад Цао Е хотел его поцеловать. Хотя это был лишь мимолетный порыв, но на таком близком расстоянии он всё же уловил его.

Но в следующую секунду Цао Е нахмурился и закрыл глаза. Пьяные люди не всегда отдают себе отчёт в своих действиях, а поступки Цао Е в таком состоянии были совершенно лишены здравого смысла, поэтому в тот момент его остановил не разум, а инстинктивное неприятие поцелуев и близости с человеком своего пола.

Его чувства были сложными, словно часть его горела в огне, а другая была погружена в лёд. В нём жили и надежда, и отчаяние.

Цао Е словно прятался в своей раковине, иногда осторожно высовывая голову, но стоило только пересечь определенную границу, он инстинктивно прятался обратно. Если не знать ничего о прошлом, можно было бы попытаться подтолкнуть его, заставить выйти из своей раковины и попробовать.

Но никто не знал Цао Е лучше, чем он сам, и Лян Сычжэ понимал, что не сможет заставить себя сделать это насильно.

Лян Сычжэ оперся локтем о кровать, приподнялся и снял с Цао Е футболку, а затем укрыл его

одеялом.

Внезапно в комнате раздалась вибрация мобильного телефона. Это был не его телефон. Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е. Вибрация, похоже, ему мешала, и он, нащупав в кармане телефон, пытался его достать, но безуспешно.

Лян Сычжэ сунул руку в его карман, достал телефон и взглянул на экран — Хуан Ин. У него была хорошая память, а это имя было довольно необычным. Дочь хозяйки «Лазурной вечеринки» тоже звали Хуан Ин, но она, кажется, училась в школе-интернате, и он встречал её всего пару раз. Может быть, это просто совпадение?

Лян Сычжэ сел на кровати, опираясь на руку. Звонок прекратился, но тут же раздался снова. Казалось, дело было срочным. Он вышел из спальни с телефоном Цао Е в руке, закрыл за собой дверь и ответил на звонок.

Он не торопился говорить, ожидая, пока заговорит собеседник. Голос на том конце провода звучал встревоженно:

— Цао Е, в баре проблемы! Я совсем не справляюсь, ты можешь приехать сейчас?

— В каком баре? — спросил Лян Сычжэ.

Собеседница, вероятно, тоже была взволнована, поэтому не сразу заметила, что голос не тот.

— В «Жаре» на Иньсы!

— Иньсы?

— Да, не шути, у тебя что, есть ещё бары?

— Что случилось?

— Кто-то принёс наркотики и пытался их продать, а полиция их нашла... Подожди... —
Собеседница наконец поняла, что что-то не так. — Ты ведь не Цао Е?

— Да, я Лян Сычжэ, — ответил Лян Сычжэ. — Он пьян, я сейчас приеду.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130273>